

глазом ласковым поблескивая.
камыши стволы топорщат
хороня утиный лаз,
тают лапы гуттаперчиные
от учтивости и ласк,
чтоб, живущий возле заводи,
мальчуган нашел гнездо,
чтоб лишённые завтраки
подавала мать на стол.

/ 1958 /

не печатать

х х х

яблоки, отображающие действительность
утраченным художниками способом,
нависают над крестьянской деятельностью
в неизбежности сезона Спасения.
во имя распределит~~ель~~ия объемов
плоды теряют ощущение веток;
их вырывают из листвы альбомов,
как пожелтевшее фото.

/ 1959 /

✓
К О Н С Т А Н Т И Н Е С К И Н
(р. 1952)

х х х

Наша память бедна, но апрель
Мы запомним на годы.
И его облаков акварель,
И несмелость природы,

Неожиданно яркие дни,
И тепла безмятежность,
И листочки, что еле видны,
Их младенчества нежность,

Растворимую зелень, что чуть
Лишь припудрила ветки,
И какую-то сладкую жуть,
Что приходит так редко.

х х х

Ночь была совсем тиха,
И на утреннем морозе
Все сильнее тянет к прозе
От неверного стиха.

В эти ранние часы
Не вложить в него длинноты
Послепраздничной субботы,
Снега бледной полосы,

Затянувшейся еды,
Вкуса первой сигареты,
Ожидания газеты,
Шахмат, прочей ерунды...

Ограниченный стеклом,
Неподвижный, полусонный,
Смотрит мир в проем оконный,
Как хозяин смотрит в дом.

Е Л Е Н А И Г Н А Т О В А

(р. 1947)

х х х →

Слепой пастух и каменные овцы.
Дымят овраги, вырытые солнцем,
Праматери-земли по ним стекает млеко -
Вот наших судеб край: овраги да колодцы,
Мочи овечьей стойкое болотце,
солончаки да степь... и ўдо скончанья века.

Наверно, души те, что выгнаны из плоти,
Здесь коротают век в забвеньи и дремоте
До новой брэнности, до будущей тюрьмы,
Заквасят молоко для старика слепого,
Бвечью шерсть прядут... и забывают слово,
Постылой речи плен, в которой вечно мы:

"Земля, не отнимай моих любимых!
Вода, не отбирай моих любимых!
Пойдет моя душа, растеряна и боса,
Туда, где есть подружки ей, спеленут сыр травюю,
Старик качает мертвой головой,
Солончаки в степи, как пыльные колеса..."

х х х

Пустоты полночи. Земля перепревать ложится.
Лист налитой на землю пал.
Фонарик мрака - в небесах мерцает птица,
И коротко блеснет, боясь упасть в канал,
Где света нет. Теперь сырой туман
Стекает по садам на каменные лица.

Пустоты полночи. В густой воронке света
Прохожий скармливает женщине тоску;
Слова расслаблены, дымится сигарета...
В плаще блестящем он подобен мотыльку,
Что к лампе прилетел и требует совета.

Что делает поэт в печальный час теней?
В Неве ночных огней качаются обмылки...
Он из дому идет, одевшись потеплей,
И студенистый свет стекает по затылку,
Когда пройдешь насквозь туманный Летний Бад,
И тени милые со всех сторон летят...

х х х

Век можно провести, читая Геродота.
То скифы персов бьют, то персы жгут кого-то...
Но выцветает кровь. В истории твоей -
Оливы шум, крестьянский запах пота.

Мельчает греков грубая семья,
 Бешит ладья военная в Египет.
 Мы горячи чужой не можем выпить,
 Нам только имена, как стерни от жнивья,
 А посох в те края на камне выбит.

И где она - земля лидийских гордецов,
 Золотоносных рек и золотых полотен,
 Где мир - в зародыше, где он еще так плотен,
 Где в небе ходит кровь сожженных городов,
 Где человек жесток, и наг, и беззаботен.

СТИХИ СЫНУ.

I

Вечерней влагою полна листва,
 На лбу - невидимая паутина...
 Легко и сонно падают слова,
 Которыми укачиваю сына.

Едва пошевелюсь, как тень моя
 Скользит через дорогу. Там соседи
 На лавке. Льется жизнь через края
 В томительной и стройной их беседе.

Младенец спит. Он сыт и невесом.
 Он муравьям рассыпал погремушки.
 Настал тот час, когда особый сон
 С усталым телом сраживает душу
 Бессмертную...

В траве ворчит гусак,
 Сползает паутина на ресницы.
 Хозяин в доме. Ночь на небесах,
 И хлебный ангел всей деревне снится.

2

2. →

Хлебный ангел, ангел снежный, ангел, занятый косыри,
Все три ангела, три ангела кружатся над тобой,
Опускаются, хлопчут, целый день снуют вокруг.
Только крылья разноцветные раскрыты на ветру.

Хлебный ангел месит тесто, затевает пироги,
Целый день слышны у печки его легкие шаги,
Хохолок мелькнет пшеничный, локоть выпачкан в золе.
Ставит квас, качает лопьку, чтобы мальчик не болел.

Ангел жатвы и покоса проживает на дворе,
У него лицо и руки облупились на жаре.
Косит сено, возит просо, из рожка поит телят...
Его очи голубые ночью в небесах горят.

Белый ангел, ангел снежный, студнее родника,
Твой высокий трубный голос так понятен старикам!
Что за речи на рассвете ты усталым говоришь?
Чистым снегом засыпаешь, чистой памятью даришь.

Вслед за травами и хлебом наступает время сна:
Свет и колод, даль и небо, расщепленные до дна;
Слабый шелест, сладкий голос, ангел ледянее льда...
Брачеванье легкой болью - всех потерь, всего труда.

→ X X X

С рожденья, сколько помню - степь и снег
Я ощущала, дышат у затылка,
И жизнь не сложнее, чем развилка
Осенняя: и грязь, и дождь смурной,
Земля остыла, смерзся перегонной,
Но, как царевна в чаше ледяной,
Не умерла, а спит и грезит пылко.
Что знаем о стране? Что нет колбас,
Что бредим и болеем, что в неволе,
Но эти новости перекрывает бас
Простора небывалого. И в боли
Не сознаём, что это диким полем,
Родным, кровным - сманивает нас.

Не^рмыслима с родиною связь,
А нави дни - листва для пережня.
Она крушит меня, не изменясь:
Не как крошат комок земли весной:
Виджая, и завися, и гордясь,
А так, как в осень страхизуют грязь
С подошв. И оставляют под стеною.

→ х х х

И русского стиха прохладный влажный сруб,
Звезда под крышкою чудесного колодца.
Смотри, как плещется, кипит у самых губ
Вода бескожая. А в горсти не дается.

Но если в августе разомкнут небосвод,
И мокрой чернотой размьты дали,
Кастальская вода в ключах твоих поет
Настоем бедности бессмертной и печали...

→ ЖИЗ ЦИКЛА "РОДСТВЕННИКИ" →

х х х

Хвойной, хлебной, заросшей, но смысл сохранившей и речь,
Родине среднерусской промолвив: "Прости",
Я просила бы здесь умереть, чтобы семечком лечь
В чернопахотной смуглой горсти.

Мне мерещилась Курбского тень у твоих рубежей
В дни, когда я в Литве куковала, томясь по тебе.
Ты таких родила и вернула в утробу мужей,
Что твой воздух вдохнет Судный ангел, прикикнув к трубе.

Ибо голос о Жизни Нетленной и Странном Суде
Спит в корнях чернолесья, в глубинах горячих полей,
И нетвердо язык заучив, лепеча о судьбе,
Обвисают над избами крылья твоих тополей.

Голубиная Книга и горлица, завязь сердец,
Сытный воздух, репейник цветущий, встающий стеной...
Пьян от горячи проводов, плачет и рвется отец,
И можнатый обоз заскользит по реке ледяной.

→ х х х

Два горбоносых профиля. Обоих
Не превзойти в гордыне.
Один безмолвствует. Другой отныне
Припал к чужой судьбе, как к исцеленью,
И вечность исцелит любое время...

Два вопрошающих... Один почти бесстрастно,
Но с тайной ревностью к своей грядущей славе.
Другой — горячим щебетом, неясно,
И не глядеть старается напрасно
В лицо Лауры в золотой оправе,
Наряд почти монашеский. Но светский
Округлый жест.
А тот с печалью детской
Глядит на солнце в золотой пыли,
На дикий виноград. Упруг и спутан,
Он оползает всюду. Холм окутан,
Так, что травы не видно и земли...
Глядит на холм с верхушкой курчавой.
В изгибе изумрудной, сухощавой
Реки — укрылась пара лебедей.
Несет подойник полный экономка,
И в воздухе прозрачном больно, ломко
Коров мычанье, голоса людей.

"Прочтите же..." Перекрывая век
Палаческой скороговорки, тленья —
"Промчались дни мои, как бы оленя
Косящий бег..."
Петрарка слушал. Гостя скорбный лик,
Иноязычья грустные немоты.
Но сколько "а" и "о" таит в себе язык!
Но стрельчатого слова позолота!

Когда стемнело, свет из облаков
Осеребрил сидящего поэта,
Но этот странный вестник из веков
С Петраркою почти сравнялся светом.
И шире, ярче света полоса...

А Л Е К С Е Й К О З Ы Р Е В

Не читается

х х х

Я знал, что он укрылся в Эрмитаже,
Но под табличкой " 222 "
Мне стало вдруг не по себе, и даже
Почудились знакомые слова.

Он мрамором слегка обезображен.
Осанистая, злая голова.
Совиный взгляд. Grimаса рта все та же .
Все дальше - Петропавловка, Нева...

Простор воды. Но здесь другие - арка
И лев - на площади Святого Марка,
Где русские, и мавры, и жида.

А вот и он, великий Аретино,
Своим пером представивший картинно,
Как правда сеет семена вражды.

Ю Р И Й К О Л К Е Р
(р. 1946)

х х х

Этот город, короткий дневник
Наших судеб, их честный двойник,
Точный слепок -
В кровь, и в пот, и в сознание проник -
И, как спирт неразбавленный, крепок.

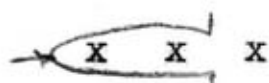
Этот город... Чуть брезжит звезда,
Строчка вкось уползает с листа,
Плещет Мойка...
Оглянуться назад - от стыда
Осыпаются годы, как слойка.

Жил не так и писал ты не так,
И в себе обманулся, простак.
Был ты болен
Честолюбием, дел на пятак
Совершив, был собою доволен.

Где стихи? что ты значишь без них?
Даром ходишь, подняв воротник,
Зря взволнован:
Этот город, твой частный дневник,
Не прочитан и не расшифрован.

Даром ты подколесную грязь
Месишь: с веком потеряна связь -
Вот мученье!
А беда, что с тобою стряслась,
Не важна, не имеет значенья.

← 1974 /

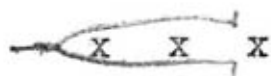
В саду, на узком островке,
Со свитком знания в руке,
С лавровой веткою нездешней
Сибилла Либика стоит
И тяжело за море глядит,
Не пряча муки безутешной.

Сибилла Либика, скажи,
Зачем деревья хороши
В своём спокойствии осеннем,
Зачем не слышно ветерка,
Зачем не движется река,
Вода не плещет по ступеням?

Сибилла Либика, спроси,
С какими силами в связи
Душа осеннего покоя -
Того, что стынет над рекой:
Спроси Того, кто сам покой,
Кто племя пестует людское.

Вода недвижимая лежит,
Слеза холодная бежит
С её ланит, вопросу вторя.
Залив, ведущий в океан,
Едва синее сквозь туман,
Не видя слез, не зная горя.

1974 L

Он под вечер садится за письменный стол
И в окно угловое глядит.
Там котельной трубы возвышается ствол,
И большая ворона сидит.

Птица тоже как-будто косит на него,
Но не взглядом, сводящим с ума:
Нет, не ворон Эдгара, всего ничего,
Городская ворона, кума.

Он бросает на прошлое мысленный взор,
Заурядное, в целом, житьё:
Неудачи, удачи... Он смотрит в упор
На беду - и не видит её.

То и страшно, что в фокусе вечно не то,
Что бедю не стыдно назвать.
Отвлекаясь, подводные съемки Кусто
Начинает герой вспоминать.

Тот неверный, невнятный, расплывшийся мир,
Где поверхность уже не видна,
Слух слабеет, теряется ориентир,
Да и жизни другая цена.

И пока его мысль подбирает слова,
Сквозь хандру пробиваясь с трудом,
Цепенеют деревья, спадает листва,
И вода покрывается льдом.

← 1974 /

→ х х х

Ты слышишь, как воды шумят
В дождливое лето.
Ты видишь, как годы летят, -
И празднуешь это.

Над жизнью твоею беда
Гнезда не свивает,
Любовь не свивает гнезда,
И слёз не бывает.

Над жизнью твоею, с тобой,
Стопою бесшумной
Проходит воздушной тропой
Твой ангел бездумный.

Он видит над жизнью твоей
Намокшие крыши,
Чердак, где сидит воробей,
Оконные ниши,

Антенны, торчащие вкось.
Он шествует мимо,
Твой ангел, промокший насквозь
И серый от дыма.

Он медлит. Но птица висит,
И небо светлеет,
И ты не торопишь визит,
И он не посмеет...

← 1975 L

Х Х Х

Нельзя сказать, от поминутной злобы
Или от нескончаемой тоски,
Мерещатся ему крюки и скобы,
Крюки и скобы, скобы и крюки.

Он со стола сметает на пол крошки
И смотрит в угол, где снуют в пыли
Различные задвижки и заложки,
Щеколды, шпингалеты, костыли.

Прохожие, как рыбы в водоеме,
Ему навстречу разевают рты -
Он ничего не замечает, кроме
Крюка в стене, крюка и пустоты.

Он вглядывается, как в сны цветные,
В спешащий человеческий поток,
И видятся ему крюки стальные,
Надежно ввернутые в потолок.

← 1975 L

ПАМЯТНИК

И я, неведомый пиита,
Во след пиита знаменита...

А.П. →

Я памятник воздвиг, от века небывалый,
Но не скажу - себе, скрывая торжество.
Он ниже пирамид, и нет былинки малой,
Упрятанной от глаз надежнее его.

Умру я весь, дотла. Пусть смерть нарек изгладит
Об имени моем из памяти людской:
В ней, гордый внук славян, я, твой еврейский прадед,
Равенство предвкушал, свободу и покой.

Слух обо мне заглох в подвалах на Шпалерной.
Я не шутя любил мой безъязыкий век
И Бога лишь о том моили нелицемерно,
Чтоб знать меня не знал эстонец и узбек.

И я не льстил себя тем, что времени в угоду
Фелицу не воспел, на стогны звать дерзнул -
Любезнее всего я тем служил народу,
Что пальцем для свобод его не шевельнул.

Вот, Муза, мой итог: твой пасынок счастливый,
Я прожил эту жизнь и принял эту смерть
И, верю, заслужил награды справедливой:
Моя строка крестом безвестности отметь.

декабря
← 6 ~~1977~~ /

→ x x x

Итак,
Последний луч померк теперь,
Последний ключ иссяк:
Не поднимает морду зверь,
Не прозябает злак.

Потерь
Не счесть, установился мрак:
Но мы прикроем дверь,
Мы - здесь, и Твой я вижу знак,
И хорошо... поверь.

← 1978 /

Х Х Х

Не говорю, что Ты неправ
Или жесток... прости,
Но слаб я, тяжек мне устав
Твой, нет во мне пути.

Прекрасен мир Твой: всё в нем есть
Для счастья моего,
В нем боль - и та - благая весть
И смысла торжество.

Когда же счёты я сведу
С содомским двойником
В Твоем немеркнувшем саду,
Под звёзным сквозняком?

← 1979 /

МОЛИТВА

Не святых, но несчастных спасти
Ты явился - и с нами остался.
Прикажи, Провозвестник пути,
Чтобы разум мой не помрачался,

Чтобы воля не меркла моя -
Ибо замысел Твой был подробен:
Ненапрасный фрагмент бытия,
Я ещё на служенье способен.

Я тебя отыщу по следам
Вековым и не знающим тленья
И лобные награды отдам
За таинственный миг просветленья.

← 1980 /